

ПРЕДИСЛОВИЕ

В серии «Методы антропологии» впервые выходит русский перевод книги Франца Боаса «Антропология и современность» (“Anthropology and Modern Life”). Так получилось, что работа опубликована почти что вслед за переизданием другого его значительного по объему труда, переведенного еще в 1926 году («Ум первобытного человека»). Нет смысла повторять биографические данные столь известного автора. Слегка коснемся лишь истории появления книги и ее содержания. В ней Боас в очередной раз предстает пламенным борцом с любыми проявлениями расизма и ксенофобии, таящимися, к примеру, под «научным» покровом евгеники.

Как известно, отец-основатель американской антропологии начал проводить свои антропометрические измерения, работая еще в Университете Кларка (Вустер, штат Массачусетс). Уйдя вскоре оттуда, ученый организовал такого же типа исследования в Окленде, штат Калифорния; в Торонто и в ходе Колумбийской выставки 1893 года в Чикаго. Так была сформулирована боасовская концепция «темпа роста»: скорость развития варьируется не только у мальчиков и девочек, но и у детей одного пола; и низкорослые могут быть просто отражением отставания в процессе роста на определенный момент их развития¹. Другим направлением его поисков стали исследования североамериканских индейцев в годы работы на Канадскую геологоразведку, посвященные роли наследственности и среды в образовании различий между группами.

Однако самым известным и масштабным проектом Боаса, связанным с расовой проблематикой, являлась его работа на Иммиграционную комиссию США. В мае–июне

¹ *Stocking George W. Jr. Race, Culture, and Evolution: Essays in the History of Anthropology. Chicago: The University of Chicago Press Reprint Edition, 1982. P. 170–172.*

1908 года он провел пилотное исследование в основном среди мальчиков в Городском колледже Нью-Йорка и двух государственных старших школах. Поначалу его интересовало, как среда влияет на сохранение стабильности (либо ассимиляцию) и на процесс роста. Но вдруг были получены неожиданные результаты: головной указатель у русских евреев изменился в Америке. И общим выводом стало следующее¹: основные расовые различия носят вообще количественную, а не качественную природу. Суть боасовской критики расового формализма, как отмечает Дж. Стокинг, заключается в разрушении романтической концепции расы как наиндивидуального органического единства.

В «Антропологии и современности» специальное место отведено критике евгеники, к которой Боас относился также весьма и весьма насторожено, скорее, как к чему-то бесплодному, если не вредному. Например, он подчеркивал, что даже если мы сможем вытеснить у неимущего класса наследственные болезни и повысить его общие интеллектуальные способности, все равно социальные условия будут воспроизводить неблагоприятные (рецессивные) признаки снова и снова². С другой стороны, предостерегал Боас, часто гении рождаются у родителей по евгеническим стандартам далеко не здоровых.

В 1920-е годы евгеника, конечно же, приобрела особенную популярность. Но то, что Боас обратил на нее столь пристальное внимание, объясняется также и другой причиной, более личностного характера. Даже в тесном окружении Боаса находились те, кто поддался евгеническому искушению. Так, в нью-йоркское Общество Гальтона вошел Кларк Уисслер. Его книга

¹ Franz B. Changes in Bodily Form of Descendants of Immigrants. Senate Document 208, 1911, 61st Congress, 2d Session. Washington: Government Printing Office, 1911. P. 1–7.

² Boas F. Anthropology and Modern Life. New York: W. W. Norton and Co., 1928. P. 118.

«Человек и культура», в которой чувствовалось дыхание только что окончившейся войны и Версальско-вашингтонской системы, содержала откровенные пассажи про представителей «нордической расы» — хранителей «факела цивилизации»¹. В 1920–1921 годах Уисслер председательствовал в Отделении антропологии и психологии Национального исследовательского комитета (NRC), куда Боас, напротив, был не вхож. Между учителем и учеником разгорелся конфликт, отразившийся, в какой-то мере, и на сиюминутном изменении академических интересов «папы Франца».

Если довериться «инсайду» Мелвилла Херсковица, то основу «Антропологии и современности» составили лекции, которые Боас прочел в 1927 году в либеральной нью-йоркской Нью Скул (Новой школе социальных исследований). Тогда «большой зал, отведенный для него, был переполнен мужчинами и женщинами, которые, как говорят, в основном находились под его руководством, будучи студентами, а в зрелые годы осознали, что не смогли воспользоваться возможностью, которая имела у них в колледже»². В книге были впервые сформулированы взгляды ученого на практическое значение культурной антропологии, что также представляло собой свежую идею во времена господства профессорских мантий и дубовых кафедр. «При написании настоящей книги, — заявил Боас, — я хотел показать, что некоторые из наиболее прочно укоренившихся мнений нашего времени с более широкой точки зрения кажутся предрассудками»³.

На актуальность оценок, примеров, но особенно антиевгенических (и антиевгенических) аргументов, содержа-

¹ Wissler C. *Man and Culture*. New York: Thomas Y. Crowell Company, 1923; *Stocking George W. Jr.* Op. cit. P. 298.

² *Herskovits M. J.* Franz Boas. *The Science of Man in the Making*. New York and London: Charles Scribner's Sons, 1953. P. 22.

³ *Ibid.* P. 22, 107.

щихся в книге Боаса, указывает еще одна его ученица Рут Банзл, предваряя издание 1962 года [после первого издания “Anthropology and Modern Life” (1928), были еще переиздания (1929, 1932 и т. д.)]. Именно на ее время приходится скандал в Американской ассоциации физических антропологов вокруг памфлета стойкого сторонника сегрегации, директора авиакомпании “Delta Airlines”, публициста Карлтона Патнэма. Его «Раса и разум: взгляд янки» — демагогия вокруг доктрины «разделенные, но равные». Книжка содержала множество околону научной критики. При этом К. Патнэм отталкивался от идей антрополога Карлтона Куна, последнего крупного полицентриста, доказывавшего, что процесс сапиентации ранее всего начался и дольше всего шел не в Африке, а в Азии и Европе. Подобные взгляды уже плохо принимались антропологическим сообществом, и весной 1962 года ежегодное собрание ассоциации проголосовало за запрещение «Взгляда янки».

Что изменилось со времени, когда Банзл работала над своим «Введением»? Физические антропологи деконструировали само понятие «раса», приучили нас различать не столько биологические, сколько социокультурные его коннотации, что закрепилось в Декларации ООН о расе и расовых предрассудках (1979) и Декларации принципов терпимости ЮНЕСКО (1996). Но, увы, события последних лет показали: спор, а точнее открытый конфликт между сторонниками и противниками толерантного отношения к инаковому, вовсе не исчерпан. Серия, в которой “Anthropology and Modern Life” появилась в 1962 году, носила название “Books That Live” («Книги, которые живут»). Наверное, и нам не придумать ничего лучше столь емкого лозунга!

Игорь Кузнецов
23 ноября 2023 г.